

Родной язык — душа народа

Наши интервью

В Год литературы исполнилось 80 лет со дня рождения основателя нивхской литературы и письменности, лауреата Государственной премии РСФСР им. М. Горького писателя Влади-

— Владимир Михайлович, почему вы отмечали юбилей во Франции?

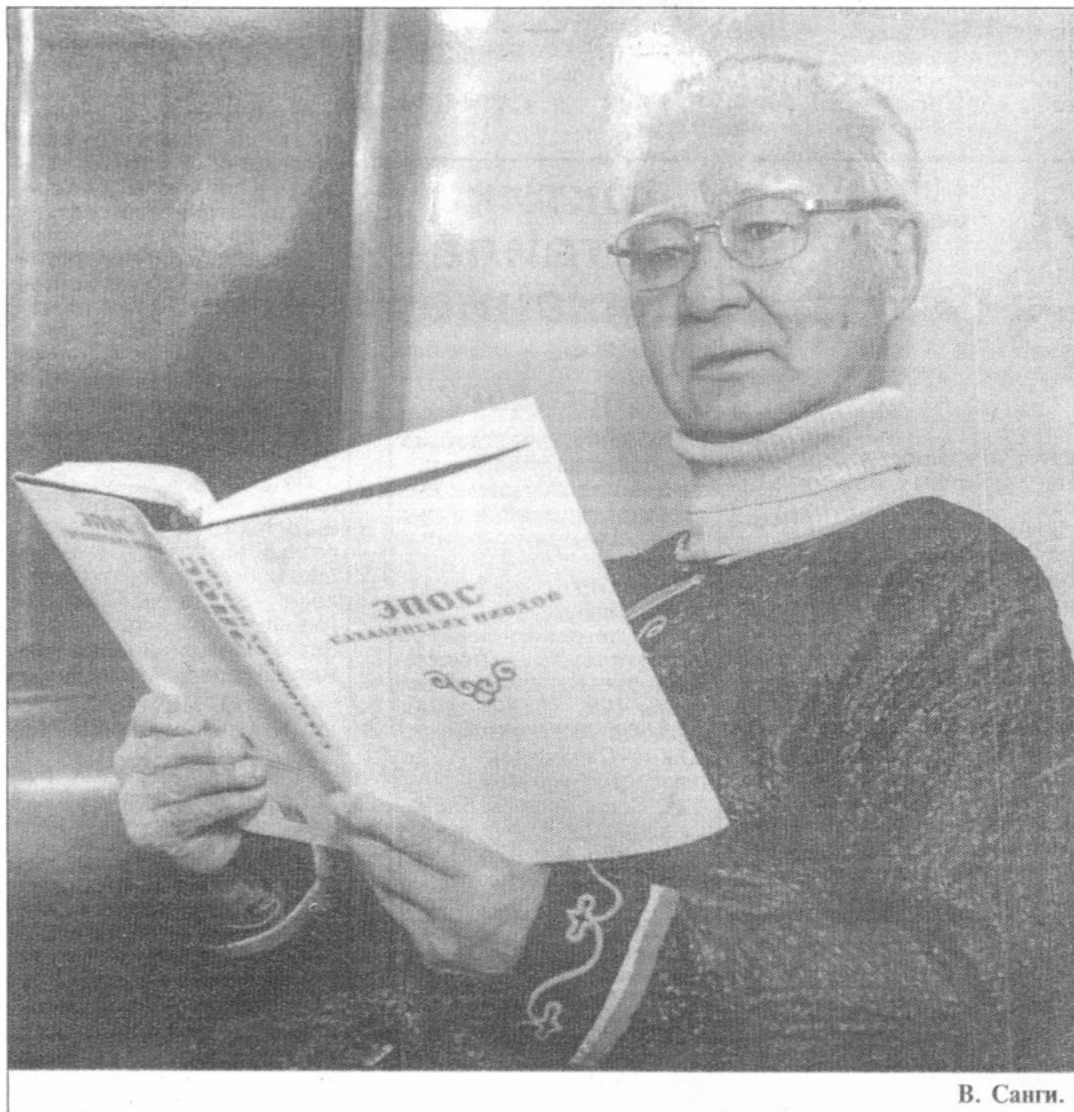
— Париж — культурная столица мира. Здесь традиционно уважительно относятся к культуре России. Я много раз бывал в этой стране. Когда в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже сложилась идея устроить торжество в день моего юбилея, я обрадовался. Франция для меня — страна очень высокого уровня духовности. Как и Хемингуэй, могу говорить о ней долго и проникновенно. Считаю, мне в жизни повезло: в Париже, в центре Европы и мировой цивилизации, провести юбилейные мероприятия — это невероятно!

Во Франции у меня есть друзья. Решил: будет повод увидеться и пообщаться с ними. Анн-Витуар Шаррен преподает в Сорбонне русскую литературу и давно исследует мое творчество, преимущественно — крупную прозу — романы. Ее ученики тоже изучают литературу народов России, в частности, — народов Севера.

— Чем она привлекает интерес ученых?

— Исследуется феномен, каким образом еще недавно бесписьменные народы создали произведения мирового уровня. На мой взгляд, это редкое и исключительно российское явление. Я объездил многие страны, но таких разительных «взрывов» в литературном процессе нигде не наблюдал. Норма это или аномалия, но факт очевидный. Притом феномен наблюдается с 1930-х годов. Разве что в последние десятилетия он проявляется не столь ярко: в стране иная общественно-

мира Санги. Имя классика широко известно в мире. А в этом году оно вышло на просторы Вселенной — его получила одна из звезд. Наш корреспондент встретилась с В. САНГИ.

В. Санги.

социальная ситуация, сложились иные морально-нравственные ориентиры. Но процесс продолжается.

Российские литературоведы, каждый по-своему, пытаются дойти до сути и рас-

крыть для себя секрет такого «взрыва». Много докторов наук сложилось на этих поисках. Я знакомился с их работами и часто удивлялся тому, как они не просто отрицают хорошее и самобыт-

ное в национальной литературе, а здорово доказывают, как получилось, что, к примеру, чукчи породили писателя Рытхэу.

А вот Анн Шаррен — исследователь новейшего тече-

ния в океане мирового литературоведения. Должно быть, ей нелегко сопоставлять художественно-философские направления как в период возникновения новых письменных литератур, так и в необыкновенно скором достижении ими высот зрелости. Но она близка к истине. О моем творчестве пишет, что оно пришлось на годы советской власти, когда господствовал социалистический реализм, а идеология диктовала литераторам, какие идеи приоритетны, как облечь их в художественную форму, в каком идеологическом направлении двигать сюжеты и мысли в произведениях. Действительно, я попал в ту полосу, когда идеологическое давление со стороны партийного центра было сильным. Но чтобы это на меня сильно влияло — такого не было. Боролся за то, чтобы у нивхского народа был алфавит, создавал букварь.

Я, как и все мое поколение, был воспитан пионерей и комсомолом, любил ходить на праздничные демонстрации. Но однажды с трибуны меня увидел заведующий отделом обкома КПСС Николай Колесников и сказал публично: «Вон националист пошел». Об этом мне сообщил знакомый журналист. Меня возмутило, что партийный чиновник спекулятивно навесил «ярлык», чтобы показать себя зорким идеологом, который дальше всех смотрит, глубже других видит. — вот и выискал на Сахалине «националиста». Если мою работу над созданием нивхской письменности сочли проявлением национализма, то я этим только горжусь.

(Окончание на 5-й стр.).

11 Совете Книи СЭЭЛНН. - 2015. - № 2. - С. 2, 5.

Родной язык — душа народа

(Окончание.)

Начало на 2-й стр.)

— Вас в чем-то ущемляли?

— Не скажу, что на меня сильно давили, направляли верной рукой и указывали, о чем и как писать, — до такого не доходило. На литературных встречах, семинарах я честно и открыто говорил, что у нас хорошо, что плохо и конъюнктурно. Когда от души, безоглядно написал роман «Ложный гон» так, как видел жизнь, в Москве в редакции журнала «Молодая гвардия» сразу же взялись его напечатать. Редакторы восхищались: в советской литературе появилось такое произведение! ЦК ВЛКСМ, который имел с журналом тесные связи, решил присудить мне премию Ленинского комсомола. Требовалось согласие с обкомом партии — таков был порядок. Инструктор ЦК ВЛКСМ Аннаберды Ангабаев и несколько комсомольских деятелей, которые хорошо знали меня по литературным семинарам, приехали на Сахалин и... пришли в ужас! Первый секретарь обкома партии Павел Леонов сказал им: «Кого вы выдвигаете? Он же националист!». Представление на премию Ленинского комсомола задробили. Позже в Москве Аннаберды поинтересовался: «Первый секретарь обкома назвал тебя националистом. Скажи, что в тебе националистского?». «Ничего». Однако из-за такого ярлыка на Сахалине четырнадцать лет не издавали мои произведения. Такой была установка местных политиков.

— Какой же его величество случай должен был произойти, чтобы вас вдруг пригласили на работу в правительство России?

— Я работал над романом «Женитьба Кевонгов», когда позвонил председатель Союза писателей РСФСР Сергей Михалков. Человек умный, прозорливый, заботливый, он умел ладить с писателями разных национальностей и направлений. Никогда во главу угла не ставил голую идеологию. Сказал: «Завтра вылетай в Москву. Тебя хотят видеть на Старой площади».

В столице Михалков соединил меня с инструктором ЦК партии Ниной Жильцовой, она пригласила на встречу и разговор начался с того, что в стране очень сложно. Подумал: куда она клонит?

«Немцы сибирские и поволжские, осетины, калмыки, карелы, нанайцы и другие хотят изучать национальные языки. Вы тоже написали проект нивхского алфавита... «Откуда вы знаете?» — спрашиваю.

«Обком доложил ЦК партии, что Санги — националист, придумал какую-то нивхскую письменность, буд-то ему русской письменности мало».

Надо сказать, на заре моего творчества у меня возникли неприятности. Принес как-то в Сахалинское книжное издательство стихи на родном языке и проект нивхской письменности. Предложил: давайте издадим сборник на нивхском, все равно же за основу взята кириллица. Мне посоветовали обратиться в обком партии. Там два дня познакомилась с текстами и сообщила: надо, чтобы Академия наук посмотрела. Но это долгий путь. Посоветовали издать книгу на русском. С того времени прошли годы! Было удивительно, что Жильцова об этом знает и помнит.

«Вы боретесь за родной язык, — сказала она. — А мы пришли к выводу: родные языки надо изучать в школах. Хотим поручить вам решение

рат правительства России, — уже отдавала распоряжения Жильцова. — Квартиру получили в течение месяца».

Пока оформлялись документы, меня с группой писателей отправили в Болгарию, где в переводе издали роман «Ложный гон». Вернулся из поездки — и на новую должность. Так мои старания и борьба за право говорить и писать на родном языке, стремление к самовыражению в творчестве получили неожиданное понимание на самом высоком уровне в советском государстве.

Годами позже Анн Шаррен, прочитав мои произведения, пришла к выводу: возникновение и развитие литературы народов Севера (на примере писателя Санги) происходит не на отшибе, а в русле советского, общероссийского и общемирового литературного процесса, оттого творческие поиски дали большие плоды. Об этом же на примере моих романов говорили и писали известные немецкие писатели и филологи Вольф Шнетц и Антон Хирше.

В то время в советской русской литературе сложилось такое народное направление, как «деревенская литература». Писатели ответили на вызов времени и в своих произведениях изобразили то, что видели, причем честно, безоглядно, жизненно. Так и я работал. Анн Шаррен это увидела и отметила ярко выраженное народное направление в моем творчестве. Она анализировала содержание повестей, романов и рассказов, исследовала методы, темы, образы. И защитила докторскую диссертацию.

— Какими были юбилейные торжества в Париже?

— Мероприятие проходило в штаб-квартире ЮНЕСКО в присутствии высокопоставленных чиновников, деятелей литературы, ученых, послов разных государств. Шла речь не только о моем творчестве, но и о научно-педагогической работе. Основной доклад сделала Л. Б. Гашилова, директор Института народов Севера Санкт-Петербургского государственного университета, ученые Голландии, Эстонии и других стран, много лет изучающие письменность и литературу народов Севера.

В перерыве ко мне подошли посол и ученый-языковед из Марокко. Рассказали, что в их стране проживает много народов и правительство порой не знает, как решить те или иные проблемы. Чуть что — возникают конфликты на этой почве, кто за нож хватается, кто за автомат Калашникова... Такое наблюдается по всей Африке. Интересовались моим мнением, как проводить языковую политику, как сохранить самобытность и многообразие культуры.

Большое внимание в Париже было проявлено ко мне со стороны деятелей культуры. Я правильно сделал, что пригласил туда нивхских старшук и девчат. Они исполнили песнопения, танцы, продемонстрировали, как звучат музыкальные ритуальные ритмы и живая народная речь. Это привлекло внимание парижан.

Компания «Сахалин Энерджи» сделала мне потрясающий подарок — вручила сертификат, подтверждающий, что моим именем названа рубиновая звезда в созвездии Рыбы. Такая награда мне и не снилась. Очень горжусь по-

та его невосполнима для всего человечества. В конце 1970-х вместе с российскими министерствами и Госпланом РСФСР я подготовил проект постановления правительства о введении в школьные учебные программы преподавания всех языков народов России. Документ был подписан председателем совета министров РСФСР Михаилом Соломенцевым. Во всех регионах страны тогда строились школы, создавались учебники родного языка. Правительство ввело в действие мой нивхский алфавит.

Этот опыт был интересен и зарубежным деятелям культуры и образования. Однажды я получил приглашение посетить г. Перпиньян на юге Франции. Преподаватель Шарль Вайнштейн организовал там изучение моего творчества. Меня встретили дети, за руку повели в лицей Араго. Вхожу в зал и вижу — на стене огромная выставка иллюстраций к моим сказкам и рассказам. Их нарисовали ученики 3 — 6-х классов. Я шел вдоль этой галереи растроганный и потрясенный. Потом были интервью, встречи, общение с детьми, такими непосредственными.

Но Вайнштейн и его коллеги хотели представить меня во Франции не только как писателя. Они знали, что при поддержке ЦК партии и правительства Санги добился преподавания всех родных языков в России, в том числе и для национальных меньшинств: немцев, греков, евреев из автономной области, уйгуров...

«Мы живем в демократической стране, а французские каталонцы родной язык изучать не могут, — поделился проблемой Вайнштейн. — Такова наша государственность. Помогите нам. Давайте встретимся с руководством нашего региона, от них многое зависит». Мы поехали в Монпелье, один из крупнейших городов Франции, административный центр региона Лангедок — Руссильон.

Руководитель региона объяснил, почему вопрос не решается. Когда-то король издал указ, что во Франции все народы должны говорить на одном языке. Это требование до сих пор в силе. Я посоветовал начать хотя бы с кружковых занятий или факультативов по изучению родных языков. Руководитель региона сказал: такие варианты приемлемы, но, к сожалению, его возможности ограничены. Вот и такой бывает Франция...

Потом меня повезли в Каталонию. В Барселоне, столице Каталонии, на площади собрались политические и культурные деятели, депутаты парламента, педагоги, население. Я говорил на русском языке, а потом прочел несколько стихотворений на нивхском и услышал гул одобрения. Рассказал об опыте Советского Союза и России в вопросах внедрения преподавания родных языков. И уехал от туда кумиром.

— Вы уже много лет живете в Ногликском районе среди сородичей, носителей родного языка. Продолжается ли ваша исследовательская работа в этом направлении?

— «Среди носителей» — громко сказано. Уже три поколения моего народа не говорит на нивхском. Я не лингвист, но в учебниках этнографа Ерухима Крейнвича 1930-х годов обнаружил ошибки в трактовке особенностей моего языка. Стал исследовать корни ошибок и обнаружил:

они надуманно описали то, чего нет в нивхском языке, допустили множество ошибок, последователи их повторили. А это, по существу, лженаука. Ведь не случайно с середины 1950-х годов Академия наук СССР не утвердила Крейнвичу тему исследования «Нивхский язык».

Раскрыв особенности родного языка, я написал «Правила нивхской орфографии». В Санкт-Петербурге три года назад издали мои нивхский букварь и учебник нивхского языка. А вскоре Ногликская районная библиотека получила информацию, что международное научно-педагогическое сообщество признало эти издания лучшими учебниками всех времен и народов.

К сожалению, региональный министр образования Наталья Мурашова говорит, что изучение языков коренных народов Севера — прерогатива директоров школ. А директора заявляют: мы работаем по учебным планам профильного министерства. Круг замыкается. Где-то с родным языком пытаются знакомить факультативно. Но дети не дураки. Если по предмету не надо сдавать экзамен, они и не будут его толком изучать.

Есть в Санкт-Петербурге Институт народов Севера. Можно было бы на целевую учебу направлять выпускников школ, чтобы через пять лет они вернулись на остров специалистами. Но нужных мер сахалинские власти не принимают. Нивхские школы на Сахалине ликвидированы. Высвободившиеся учебные часы учителя разделили между собой и стали главными противниками идеи возрождения преподавания родного языка.

Мой народ, как и ороки, эвенки, нанайцы Сахалина, стал жертвой политики реального геноцида по признаку права коренных народов на изучение, знание и пользование родным языком. Когда Александр Хорошавин стал губернатором, он публично сказал: «Поддерживаю ваши начинания. Я — ваш союзник», — и пожал руку. А на моей аналитической записке о необходимости изучения нивхского языка поставил резолюцию: «Важно!». В областной думе и в региональном отделении партии «Единая Россия» меня тоже поддержали. Но только на словах. Надеюсь, команда нового губернатора отнесется к проблеме с должным пониманием.

— Владимир Михайлович, в свое время в университете мы изучали ваше творчество, и преподаватели уже тогда говорили о вас как о классике. В текстах ваших книг удивляло не только глубокое знание жизни этноса, тонкое понимание природы, но и мастерское владение русским словом...

— Этот вопрос очень специфический, тонкий. Литературоведы пока в основном говорят о результате. Чтобы не углубляться в рассуждения, отмечу, что для меня, воспитанного на отечественной классике, чувство русского слова так же естественно, как дыхание. В молодости я мало думал о своих возможностях. Когда же мне стало за сорок, перечитал опубликованное и удивился: это же я написал! (смеется). А когда перевалило за шестьдесят, пришел к выводу: наиболее верную оценку достижениям творца может дать сам творец.

— В прошлом году вышел в свет ваш многолетний труд «Эпос сахалинских нивхов» в поэтическом переводе Николая Тарасова. Оказывается, вы еще и хорошо рисуете — в книге немало оригинальных иллюстраций. А над чем сейчас работаете?

— Над вторым томом фольклора, где будут представлены различные жанры устных творений моего народа.

— Удачи вам! И спасибо за интервью.

Л. СТЕПАНЕЦ